

**Всероссийская олимпиада школьников
муниципальный этап**

Литература
2019–2020 уч. год
9 класс

Для участника олимпиады

Внимательно прочитайте задания. Ответы записывайте в тетради, в виде связного, цельного, завершенного текста, в прозаической форме. Задания можно выполнять в любом порядке. Соблюдайте правила русского языка и нормы речи. Дополнительные материалы использовать не разрешается.

Общее время выполнения работы — 300 минут (5 часов)

Максимальное количество баллов - 90

Задание 1

Проведите комплексный анализ *одного* из двух художественных текстов, помещенных ниже (прозаического Текста 1 *или* поэтического Текста 2). Учитывайте инструкцию к ответу, расположенную перед текстом произведения. Работу выполняйте в связной и логичной форме, опираясь на знания в области теории и истории литературы.

Текст 1.

Обратите внимание на следующие особенности содержания и формы (поэтики) рассказа Ю.Вяземского: обыгрывание научно-фантастического мотива, художественную роль диалогов и монологов, взаимодействие мотивов разума и чувства, знания и переживания, структуру сюжета.

Юрий Вяземский

АППАРАТ ФОГЕЛЬМАНА

Рассказ

День был какой-то серый и мокрый – больше про него ничего нельзя было сказать. А в магазине в молочном отделе стояла длинная очередь. Мне надо было купить две бутылки кефира и один плавленый сырок за пятнадцать копеек. В отделе работали две продавщицы. Они по очереди, дожидаясь друг друга, взвешивали на весах сыр, масло, сметану и одновременно отпускали штучные товары. Им было неудобно вдвоем за одним прилавком и тесно среди ящиков с молочными пакетами, бутылками кефира и ряженки. К тому же обе продавщицы были толсты и неповоротливы. Мне было некуда спешить, но подобная организация труда действовала мне на нервы.

– Послушайте! – не выдержал я, достояв почти до конца очереди.

– Разве можно так безалаберно работать! Неужели нельзя, ей-богу, чтобы одна из вас отпускала штучные товары, а другая взвешивала на весах?

– Эх! Образованный вроде человек, а как вы с женщинами разговариваете. Стыдно! – заметила одна из продавщиц и укоризненно посмотрела на меня.

– А вы на нас не орите! – тут же прекратила торговлю и тотчас же набросилась на меня вторая продавщица.

– Мы без вас знаем, как нам работать! Подумаешь, учитель какой нашелся! Да я вам за такие слова вообще не отпущу! Все слышали, как вы нас оскорбили. Сам ты дурак очкастый, понял?!

Очередь недовольно зашумела. Всем хотелось скорее отовариться.

– Слушай, ты, кончай ругаться! – отчетливее всех произнес за моей спиной мужской бас.

– Дома на жену ворчать будешь. А вы, мамаша, давайте отпускаяте очередь. Некогда тут!

– А чего он людей оскорбляет! – продолжала возмущаться вторая продавщица.

Я с досады выбросил чек и ушел из очереди, так и не получив кефира и плавленого сырка. Я вышел из магазина и встал в очередь к табачному киоску.

– Двадцать два часа. Почти сутки, – произнес сзади меня высокий мужской голос. Я обернулся и увидел перед собой низенького мужчину неопределенного возраста с густой курчавой шевелюрой и длинным заостренным носом.

– Да, ровно двадцать два часа, – повторил незнакомец и приветливо улыбнулся.

– Вы это мне?

– Увы, вам.

– Простите, не понял?

– А я вам сейчас объясню. Я просто хочу сказать, что ваш диалог с продавщицей стоил вам двадцать два часа жизни.

– Ах вот как!.. Может быть, вы и правы. Нервные клетки, говорят, не восстанавливаются, – учтиво ответил я, хотя, если откровенно, мне хотелось послать этого востроносого комментатора по весьма определенному маршруту.

– А знаете, ведь ей этот диалог ничего не стоил, – продолжал курчавый.

– Я имею в виду продавщицу. Ни одной минуточки! Незнакомец неприятно захихикал. В это время подошла моя очередь. Я купил пачку сигарет и направился в кулинарию; жена заказала мне шестьсот граммов бефстроганова. В кулинарии была длинная очередь, и я, поколебавшись, встал в нее.

– Более того, я допускаю, что она, напротив, прибавила себе лишние минуты жизни. За счет, так сказать, деятельной разрядки. К сожалению, я лишен возможности проводить положительный замер, но убей меня Бог, если я ошибаюсь. Я обернулся. Незнакомец, который заговорил со мной у табачного киоска, стоял позади меня. «Вылитый псих!» – подумал я.

– Вы даже не представляете себе, – продолжал тем временем курчавый, – как болезненно иногда люди реагируют на, казалось бы, самые пустячные жизненные эпизоды. Ну вот хотя бы сегодня, за полчаса до того, как вы вступили в диалог с продавщицей, я наблюдал за тем, как одна женщина, купив два десятка яиц по рубль тридцать, случайно разбила их. Знаете, сколько ей это стоило?

– Два шестьдесят, очевидно.

– Да нет, я не о деньгах! – сердито взмахнул рукой мой собеседник.

– Я о другом. Знаете, сколько она на этом потеряла часов, жизненных часов? Я недоверчиво молчал.

– Не знаете! Так я вам скажу: она потеряла девятнадцать, без малого девятнадцать дней жизни. Представляете?! Почти три недели! Это же грандиозно! Очередь двигалась медленно. Я подумал, что беседа с этим чудачком может скрасить мне томительное ожидание, и поэтому спросил:

– Скажите, а откуда вы берете такие точные цифры?

– Очень просто. Я провожу измерения и получаю искомый результат.

– А-а, понятно, – сказал я и поспешил отвернуться от незнакомца, чтобы не рассмеяться ему в лицо.

– Нет, вам не может быть понятно. Это вы так сказали, чтобы не обидеть меня. Я же знаю, что вы меня принимаете за сумасшедшего.

– Ну что вы! – воскликнул я и подумал: «Типичный шизофреник». Мой собеседник улыбнулся.

– Ладно, не стану вам долее морочить голову. Вот мой аппарат. Я дал ему свое имя – «Аппарат Фогельмана». Взгляните-ка.

Он достал из кармана пальто небольшую пластмассовую коробочку, по своему внешнему виду напоминавшую портативный радиоприемник, но со стрелочным индикатором вместо шкалы настройки.

– Вот с помощью этого довольно примитивного аппарата я и произвожу измерения потери жизненных часов, – сказал Фогельман.

– Ах вот как!

– Я навожу аппарат на измеряемый объект, – невозмутимо продолжал курчавый, – и смотрю на стрелку индикатора.

Она мне и сообщает искомую величину. Видите, в данный момент стрелка показывает двадцать два часа. Это ваша потеря. То есть аппарат сообщает мне, что в течение последних трех часов вы потеряли двадцать два жизненных часа. По прошествии же трех часов с момента потери прибор уже не сможет обнаружить ее, так как энергия, выделенная в пространство разрушенными нервными клетками, исчезнет. Понятно?

– Простите, не совсем... Вы говорите, например, что энергия исчезает, – придрался я к первому, что пришло в голову.

– Послушайте, но ведь даже пятикласснику известно, что энергия не может исчезать. Она лишь переходит из одной формы в другую. Ведь так?

– Нет, не так. Она исчезает, и бесследно. Понимаете?

– Нет, не понимаю.

– Я засмеялся.

– Вообще-то это, конечно, трудно понять, – сказал Фогельман и засмеялся вслед за мной.

– А как вам удалось зарегистрировать энергию нервной клетки? Что это за энергия? – спрашивал я, стараясь придать своему голосу серьезный тон.

– Видите ли, я боюсь, что мне не удастся вам объяснить... Вы, кстати, кто по профессии?

– Биофизик, – зачем-то солгал я, ибо на самом деле был историком.

– Ну вот видите!.. При теперешнем образовании и нынешнем состоянии так называемых точных наук это бесполезно! – грустно добавил Фогельман, развел руками и сунул свой прибор в карман пальто.

– Я сам-то далеко не все здесь понимаю, – сказал он как бы мне в утешение. – Хотите, я буду с вами откровенен до конца, – продолжал Фогельман после минутного молчания.

– Дело в том, что меня, собственно говоря, никогда не интересовало, что собой представляет энергия нервной клетки и тем более что с ней происходит, когда клетка погибает. Это, на мой взгляд, чисто теоретический вопрос. А я не люблю теорию. Я сконструировал свой аппарат, преследуя сугубо практическую цель, а именно: определить, насколько то или иное событие нервного, так сказать, характера укорачивает человеческую жизнь. Видите ли, мне неоднократно доводилось встречать в вульгарной печати ссылку на то, что порой одно грубое слово, один бестактный поступок способны сократить жизнь другого человека, ускорить его смерть. Но насколько?.. Теперь я знаю, во что может обойтись грубое слово, разбитый десяток яиц, получение новой квартиры, защита докторской диссертации да просто пятно на брюках... А что вы удивляетесь? Здесь все очень индивидуально, так что об общем для всех преискуранте не может быть и речи.

Подошла моя очередь, и продавщица отпустила мне шестьсот граммов бефстроганова. Оказалось, что Фогельману ничего не надо было покупать в кулинарии, и мы вместе вышли на улицу.

– Интересно, что с ней стряслось? – спросил меня Фогельман, когда мы зашли в прачечную.

– Я имею в виду продавщицу, которая продала вам мясо. Она только что потеряла двадцать пять жизненных часов.

– Правда?! – удивился я.

– У нее было такое приветливое лицо.

– Это ничего не значит. Человек давно научился контролировать свою мимику. Судить по ней о подлинном эмоциональном состоянии субъекта так же нелепо, как определять частоту сокращения сердечной мышцы по частоте моргания ресниц. Я получил в прачечной пакет с чистым бельем, засунул его с помощью Фогельмана в сетку, и мы снова оказались на улице.

– Но ведь нервные потрясения – лишь частный случай сокращения человеческой жизни, – заметил я по пути в аптеку, где мне надо было купить рыбьего жира для двухлетней дочери, – и, как мне представляется, весьма незначительный по сравнению, скажем, с тяжелыми заболеваниями: сердечно-сосудистыми, желудочными, раковыми, наконец.

– Чепуха, – возразил Фогельман.

– Отмирание нервных клеток, а точнее, постепенное исчезновение из нашей нервной системы жизнеспособности – вот что убивает нас, а вовсе не тяжкие заболевания, как вы говорите. Послушайте, это же очевидно!

«Кому?» – хотел спросить я, но вместо этого спросил:

– А вы, простите, кто по профессии? – Я изобретатель.

– Это понятно... А в какой области?

– Как в какой области? – Фогельман недоуменно глянул на меня и замедлил шаг.

– Ну, грубо говоря, в области медицины, физики, электроники, если хотите...

– Да нет, что вы! – перебил меня Фогельман.

– Я же говорю вам, что я изобретатель. Изобретения – это и есть моя область.

Я промолчал. Я, естественно, не верил в то, что мне рассказывал Фогельман. Все это выглядело слишком уж неправдоподобно и бездоказательно. Вдобавок, рассуждения моего собеседника сильно напоминали наивные, уже давно развенчанные современной наукой представления естествоиспытателей прошлых столетий. Но в то же время я испытывал странное ощущение: некую смесь насмешливого любопытства, неосознанной тревоги и нежелания выглядеть дураком в глазах моего спутника. Я решил больше не задавать вопросов. Мы уже дошли до аптеки, когда Фогельман вдруг схватил меня за рукав, и мы остановились.

– Знаете, пожалуй, самые любопытные измерения мне удалось сделать в области социального взаимодействия людей. Вы понимаете, о чем я говорю? Речь идет о потерях, возникающих на фоне неудовлетворенных социальных потребностей. Воистину, социальные потребности на данном этапе развития человеческой популяции доминируют над всеми другими потребностями!

Последнюю фразу Фогельман произнес с неожиданной торжественностью, и глаза его вдохновенно заблестели.

– Даже над потребностью в познании? – не удержался-таки я.

– Увы! – радостно воскликнул мой собеседник.

– Мне недавно повезло, я получил разрешение провести ряд измерений в одной из наших ведущих обсерваторий. Вы представляете себе, «черные дыры» в пространстве, «квезары» – вот чем там занимаются люди. Они мыслят галактиками... Ну и что же вы думаете? Я провел целую серию доскональнейших измерений в ходе ответственных астрономических изысканий. – Ноль потерь! Ей-богу! Ни одной жизнеминуточки! Но стоило мне попасть на заседание ученого совета, где выбирали старших научных сотрудников... Вы знаете, какая была самая большая из полученных мной цифр? Четыре года! Это у тридцатилетнего человека! А вы говорите!

Я не знал, как возразить Фогельману, и предложил ему зайти в аптеку.

– Нет, аптека мне не нужна, – отказался Фогельман.

– Вы идите туда, а я пока забегу в сберкасса. Там должны проверять лотерейные билеты, а это для меня весьма любопытно.

В аптеке я отстоял положенное за рыбьим жиром и направился в сберкассу, но Фогельмана я там не обнаружил. Я поднялся на второй этаж, где помещалось почтовое отделение, но моего нового знакомого не было и там. Я вышел на улицу, простоял в растерянности минут десять у входа в аптеку, потом пошел домой; я уже сделал все покупки.

Дома я накормил дочку, посадил ее на горшок, а сам сел читать газету. Статья, которую я избрал для чтения, была интересной и живо написанной. Но я не мог сосредоточиться на том, что читал. «Все это, конечно, маловероятно, – думал я.

– Скорее всего он психически не совсем нормальный человек и вполне возможно, что и не изобретатель вовсе. Что я понимаю в технике? Может быть, он показал мне тривиальный стрелочный прибор, надеясь, что я клюну на эту удочку. Вот если бы можно было отдать его аппарат на экспертизу специалисту... А так – летающие тарелки какие-то. Чушь, одним словом».

Я попытался сконцентрировать внимание на статье, осмыслил несколько абзацев, потом вдруг подумал: «А что, если Фогельман не сумасшедший и не проходимец? И ему действительно удалось изобрести аппарат, который измеряет потерю жизненных часов?»

Я вдруг представил себе, что всякий раз, когда я разнервничаюсь, впаду в депрессию, переживу сильный отрицательный стресс, ко мне будет подходить человек и бесстрастным тоном, а то и со злорадной улыбочкой будет сообщать мне точную цифру потерянных мной дней, недель, месяцев... «Знаете, а вы только что потеряли четыре года!»

– «Нет, не хочу!» «Боже мой! – ход моих размышлений неожиданно изменился:

– А сколько часов, дней, а может быть, даже месяцев потеряла моя жена, когда она лежала в больнице, а я, вместо того чтобы навестить ее перед командировкой, кутил с друзьями. А она ждала меня и думала, что со мной случилось несчастье... А сколько по моей вине потеряли другие люди?... А моя покойная мать?!»

Мне вдруг показалось, что сейчас откроется дверь, войдет Фогельман, достанет из кармана блокнот и, произведя нехитрые вычисления, сообщит мне арифметическую величину моего вклада в убийство своих близких. Мне стало жутко.

Я долго не мог прийти в себя и даже забыл съездить в редакцию за гонораром... С тех пор я не встречал Фогельмана, хотя искал с ним встречи. Я стал заметно чаще ходить в магазин за продуктами. И вот на прошлой неделе, когда я стоял в очереди за пивом, кто-то потянул меня за рукав и попросил взять ему без сдачи две бутылки. Это был Фогельман. Я едва узнал его, так он изменился за то время, что мы с ним не виделись: постарел, побледнел, сморщился. Я взял шесть бутылок: четыре для себя и две для Фогельмана.

– Как поживает ваше изобретение? – спросил я его, когда мы вышли на улицу.

– О чем это вы? – удивленно покосился на меня Фогельман.

– Вы меня не помните? Я как-то имел честь беседовать с вами о вашем изобретении, «Аппарате Фогельмана». Вы мне его, помнится, показывали и даже произвели на мне измерения потери жизненных часов.

– Что-то не припомню. В силу своей предательской болтливости я со многими, как вы выразились, беседовал. Всех не упомнишь. Я, признаться, был несколько озадачен такой холодной встречей, но мое любопытство оказалось сильнее чувства собственного достоинства, и я продолжал расспросы:

– Ну а все-таки, что с аппаратом? Фогельман не отвечал.

– Вам, может быть, удалось выгодно запатентовать его? – пошутил я. Фогельман засунул бутылки в карман и ускорил шаг.

– Послушайте! Неужели трудно ответить, когда вас спрашивают! – крикнул я ему вдогонку. Фогельман вдруг резко остановился и обернулся.

– Аппарата больше не существует! Я его уничтожил! И все! Все! Не приставайте ко мне! Я не желаю с вами разговаривать! Произнеся, а вернее, прошипев эти слова,

Фогельман чуть ли не побежал по улице, придерживая руками бутылки с пивом, торчавшие из его карманов. Я вернулся в магазин: мне надо было еще купить сахарного песка. Когда через четверть часа я вышел из магазина, Фогельман ждал меня у выхода. Карманы его пальто уже не топорщились от бутылок.

– Ради всего святого, простите меня за недавнюю грубость, – сказал он с виноватой улыбкой на лице.

– Я был не прав. Вы так внимательно отнеслись ко мне в прошлый раз. Помните, когда я демонстрировал вам свой аппарат?

– Ну конечно же!

– В таком случае вы бы не отказались выпить со мной по чашечке кофе? Ну я вас очень прошу!

Мы направились в ближайший кафетерий. Фогельман взял две порции кофе с молоком, и мы пристроились за одной из стоек.

– В общем, мои эксперименты закончились катастрофой, – сразу же начал Фогельман.

– И в этом виноват прежде всего я сам. Как экспериментатор я не имел права делать себя объектом измерений. Послушайте, это же противоречит самой логике научного познания!

Я ничего не понял из объяснений Фогельмана и чистосердечно ему в том признался.

– Да что же здесь может быть непонятного?! – возмутился он.

– Ученый должен стремиться к объективному знанию. А что такое объективное знание? Это незнание себя, ибо, как только человек начинает познавать самого себя, появляется субъективизм, появляются страх и стремление любыми средствами преодолеть его. А это уже не наука!

Я опять ничего не понял. Более того, у меня возникли весьма серьезные возражения относительно концепции моего собеседника, которые я незамедлительно изложил ему. К моему удивлению, Фогельман тут же со мной согласился.

– Я действительно всегда плохо разбирался в теории, – признался он.

– Это меня и погубило.

Я недоуменно молчал, а Фогельман, заметив мое недоумение, вдруг покраснел, потупился и сказал, нервно теребя пальцами пустой стакан:

– Понимаете, у меня произошло большое несчастье. Умер один из очень близких мне людей. Пожалуй, даже самый близкий. Я страшно горевал... И я имел неосторожность в момент первоначального шока навести на себя свой проклятый аппарат. Мне стало вдруг любопытно, сколько я потерял из-за этой смерти, сколько лет. Экспериментальные условия были слишком интересными, и я уступил соблазну...

– Ну и сколько же вы потеряли?

– Нисколько! – вдруг почти закричал Фогельман.

– Нисколько! Слышите меня?! Ни одного часа! Нет, вы понимаете, как это ужасно?! Сначала я не поверил своим глазам. Я решил, что мой аппарат просто неисправен. Тогда я выбежал на улицу. Я наводил свой аппарат на всех встречных и получал недвусмысленные результаты. Я убедился, что аппарат работал. «Не работал» я сам! Понимаете? Я снова навел аппарат на себя, и он показал «две недели». Как ни мала была эта цифра, я чуть было не закричал от радости. Мне хотелось петь, смеяться, танцевать. Я радовался как ребенок... Я вернулся домой и только тут понял, что в действительности значило мое измерение. Страх! Страх перед собственной жестокостью... А ведь я всегда считал себя добрым, чутким человеком. И мои близкие всегда считали меня таковым, несмотря на некоторую внешнюю мою грубость... В тот же день я уничтожил свое изобретение. Я не мог не сделать этого. Я бы тогда сошел с ума...

– А над чем вы сейчас работаете? – спросил я Фогельмана, когда мы вышли из кафетерия.

– Ах, ничего интересного! Устроился на временную работу в картинную галерею. Устанавливаю личности неизвестных художников по их полотнам.

– Вы так хорошо знаете живопись? – удивился я.

– Да нет, совсем не знаю... Но надо же чем-то заниматься.

Скоро я простился с Фогельманом. День был какой-то серый и мокрый. Больше про него ничего нельзя было сказать.

Текст 2.

Прочитайте стихотворение Бориса Рыжего. Обратите внимание на следующие особенности его содержания и формы (поэтики) стихотворения: речевую форму стихотворения (второе лицо), «поэтику намека» и ее роль в создании сюжета, эмоциональную насыщенность произведения, использование традиционных мотивов и образов русской поэзии.

Борис Рыжий

***

Не вставай, я сам его укрою,
спи, пока осенняя звезда
светит над твоею головою
и гудят сырые провода.

Звоном тишину сопровождают,
но стоит такая тишина,
словно где-то четко понимают,
будто чья-то участь решена.

Этот звон растягивая, снова
стягивая, можно разглядеть
музыку, забыться, вставить слово,
про себя печальное напеть.

Про звезду осеннюю, дорогу,
синие пустые небеса,
про цыганку на пути к острогу,
про чужие чёрные глаза.

И глаза закрытые Артема
видят сон о том, что навсегда
я пришел и не уйду из дома...
И горит осенняя звезда.

1998

Задание 2.

Издательство «Иллюстратор» готовит серию книг, в которых произведения классической русской литературы представлены вместе с классическими книжными иллюстрациями. Каждая книга включает только одно произведение.

Перед вами рисунки, отобранные для одной из книг, их автор — художник Ольга Гордеева, книга представляет одно известное стихотворение А.С. Пушкина.

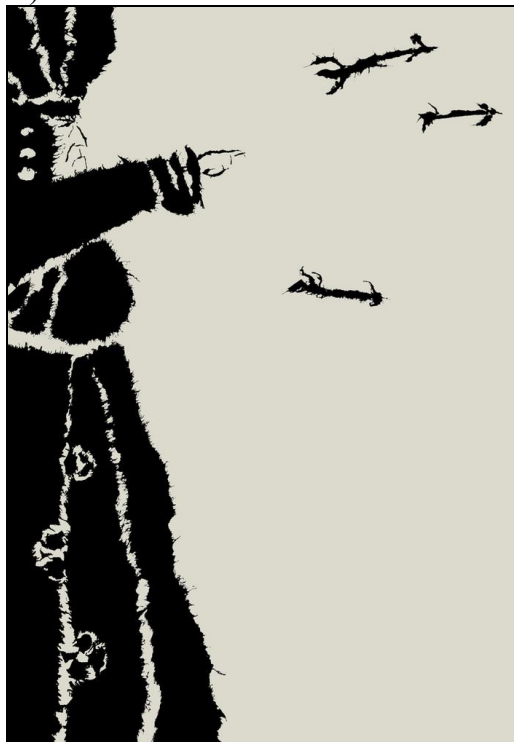
Представьте, что вы — участник редакционного коллектива.

- 1) Определите произведение, которое проиллюстрировала О.Гордеева
- 2) Расставьте иллюстрации в сюжетной последовательности.
- 3) Выберите одну иллюстрацию для обложки книги, объясните свой выбор.
- 4) У вас есть возможность заказать художнику дополнительно только одну иллюстрацию, которая разместится в тексте книги. Какой эпизод нужно проиллюстрировать? Опишите иллюстрацию. Помните о том, что она должна стилистически гармонировать с остальными.
- 5) Напишите краткое (5-10 предложений) предисловие к книге, из которого читатель узнавал бы об особенностях взгляда иллюстратора на книгу. Как проявилось в рисунках его индивидуальное понимание произведения?

Придумайте предисловию оригинальное название (учтите, что «Введение» или «Иллюстрации Ольги Гордеевой» — это совсем не оригинально).

Иллюстрации

А)

Б)

Количество баллов — 20